
П

НИКОЛАЙ ТОЩАКОВ

44265

Кр.

Туровы

ВОЛОГДА

* „КРАСНЫЙ СЕВЕР“ *

1 9 4 9

— В ту войну, — говорил Федоров, продолжая разговор о первой мировой войне, — мы на фронт не воевать ехали...

— А чего же делать?..

Федоров ответил не сразу. По-стариковски покряхтывая, он сладко потянулся; почувствовав неловкость, привстал и не спеша поправил изголовье, подложив клоч соломы. Взгляд его пробежал по пирамиде за изголовьем.

— Опять Пудин поставил автомат диском внутрь!.. — проворчал он.

— Поправь, — глухо отозвался из-под шинели Пудин. — Тоже старшина нашелся... Без морали нельзя?

— Старшина — не старшина... А закон порядка требует...

— Брось ворчать, полно! — остановили автоматчики Федорова. — Зачем же на фронт ехали?..

— Зачем?.. Я же сказал, что не воевать..

— Ой, не добьешься от тебя толку! И что тянешь?.. Только правофланговым ставить... Вот бы ножку дал на параде... Всему бы взводу на месяц по шесть часов строевой вlepили... Ложись, лучше, спать! — сказал Григорьев, молодой сероглазый солдат.

— Я бы давно сказал, — повысил голос Федоров, — да перебивают же...

— Значит, плох оратор, — слушать нечего!

— А! Тогда и говорить не буду!

— Говори, говори... Чего обижаешься? Зачем же на фронт ехали?

— Да чего говорить?... Говорить тут нечего... Умирать ехали! — сердито произнес он.

— Как, умирать?..

— Телята, что ли, под обух голову подставлять? — зашумели кругом.

Выждав, когда стихнет шум, хитро посмеиваясь одними глазами, довольный произведенным эффектом, Федоров ответил, певуче растягивая слова:

— Не... зачем телята?.. Солдаты. При всей форме. Гимнастерка, шаровары, кокарда на фуражке... Трехлинейная... При полной выкладке. Все честь честью...

— До смерти далеко... с винтовкой-то.

— Не перебивай!.. Молчи! Отец не любит.

— Вот, — значит, посадили нас в вагоны, — передохнул Федоров и расстегнул хлястик, собираясь укрыться шинелью. — Сидим... Унтера стерегут... А кругом рев, крик... провожающие воют... Поехали... Мы, конечно, все пьяные... Перепились так, что... ни уха, ни рыла. И вот затянули, кто во что горазд... «Спаси, осподи, люди твоя, — запел он тонким голоском. — И благослови достояние твое... Победы!...» А кому победы?.. За что воевать?.. Никто ничего не знает. После уж революции «Окопная Правда» разъяснила, за что кровь проливали. А ехали на фронт умирать, — заключил он и нырнул под шинель.

— Так почему же умирать? — озадаченно спросил Григорьев.

— А ты понял, что я сказал? — откликнулся из-под шинели Федоров.

— Ничего не понял.

— Ну, так и я тогда с твое понимал... «Крестом твоим жительство».

— Да сам же говорил—за ту войну два креста получил? — возмутился Григорьев. —

— Да. Два георгиевских креста... А в гражданскую на севере под Плесецкой взводом командовал.

— Ну, и рассказал... Ничего не поймешь. То умирать ехали, то кресты... А на загладку — взводом командовал. Врешь, поди, все! Кравцов, расскажи лучше ты!

— Кравцов спит. Не будите его.. Он еще не привык не спавши жить.

— Ну вас, стариков! Все загадками, нет бы прямо сказать, — махнул рукой Григорьев и тоже стал укладываться на солому.

— Вот запятая тебе, — разберись, — пустил из-под шинели смешок Федоров и толкнул в бок соседа Микешина. — Они, молодые люди, многого не знают, что мы знаем.

— Да, — охотно заговорил Микешин. — Мужики в том положении, как были, — клад для хищников всяких. Как говорил замполит недавно о разных политиках... Разделяй и властвуй!.. К примеру о своей деревне скажу... С соседними деревнями сущая война была. То из-за границ — мета пропала, или там вспомнят — прадеды какие-то лужки косили... И пойдут войной на чужую деревню... А то еще землемера подкупят. Вынесет он на поля инструменты всякие и ну наводить трубки... Мужики обступят — не дышат... А он приглашает: пожалуйте, мол, сами взгляните... Волосок, говорит, не обманет... Посмотришь, верно: в трубке волосок — тонюсенький, но ясный, так и отсекает наши загоны к соседям. И все-то в трубке так красиво, в розовом свете... Своего места не узнаешь. Насмотрелись, убедились... А там, смотришь, чужие мужики твои загоны падут. Да что обо всей деревне?.. О себе скажу... Теперь уж не стыдно. Смутил как-то нечистый, перепахал я у Славши Ечеистова, у друга-приятеля, — вместе в парнях гуляли, — всего на одну борозду... А он после меня пахал. Взял да и отхватил на две. Потом, как сойдемся на бревнах, к примеру, после покупки мирского быка... Торжество ведь!.. Поставят четверти две, а то и больше. Как выпили, так со Славшей и за воротники...

— Понятно, — откликнулся Федоров.

— А теперь Славша-то, жена писала, первый по фронту снайпер... В газетах портрет печатали... Вот оно — исстари говорится: по пруту весь лес можно переломать, а попробуй сломить березовый веник!..

— Ну, этот заговорит до смерти, — недовольно буркнул Григорьев. — Пошел чесать языком... Сыплется, как из репродуктора, — не остановишь.

— А я уж молчу... Теперь ты болтаешь.

— Ну, и замолкни!..

Все затихли, растянувшись на толстом слое пахучей соломы. Ярко горела керосиновая лампа.

Командир отделения автоматчиков сержант Головин встал с соломы.

— Итоги трудового дня подведены? А?.. Теперь чтоб у меня — ни звука! — сказал он и только протянул руку к лампе, чтобы притушить свет, как заметил, что в хате не было Крылова.

— Григорьев! Где Крылов? — спросил Головин.

— Сейчас придет.

Крылов пришел тяжелый, неповоротливый, отдуваясь и сопя. Неуклюже сел на конец лавки, припрыгнувшей другим концом. Он передвинулся ближе к середине и, тяжело согнувшись, начал разматывать обмотки.

Сбросил рубаху, обнажив широкую загорелую спину с глубоким желобком.

— Слоник! — любуясь статной фигурой, восхитился Григорьев.

Крылов неторопливо оглядел себя и поиграл мускулами.

— И все это шарики... крутятся... Бегут и бегут...

Григорьев насторожился, прислушиваясь к таинственному бормотанию Крылова.

— Какие шарики? — с недоумением спросил он, встав на соломе. — Какие шарики в твоей слоновьей спине?

— Я говорю серьезно, — ответил Крылов, в прошлом студент электротехникума. — Научно... Все люди, да не только люди! Всё окружающее — хата, стол, лавка, солома, шинель, портянка... Всё материя, состоящая из электронов, атомов, молекул... шариков разных...

— А! — протянул Григорьев. — Я думал, о чем ты...

Ложась на свое место, шутя, по-ребячьи Крылов бросился на Григорьева и, щекоча, навалился всем своим тяжелым телом.

— Стой! Раздавишь, малекула! — хохоча отбивался Григорьев. — В тебе наверно этих шариков пудов шесть? Стой!..

Улучив удобный момент, ловкий Григорьев, хотя и менее сильный, сбросил с себя Крылова и крепко прижал его в солому.

— Лежи, атом, не дрыгай!

Крылов обнял Григорьева, прижал к груди и медленно начал переваливаться на бок, стремясь подмять того под себя. Григорьев упирался, широко расставив

ноги. Вдруг Крылов поднялся на ноги вместе с Григорьевым, зажатым в объятия. Началась отчаянная борьба. Полетели солома, шинели, гимнастерки, обмотки... Борцы отскакивали, сходились, схватывались, тяжело дышали... Все проснулись, вскочили с пола, хорясь от стремительно мелькавших ног.

— Нейтралитет! Объявляю нейтралитет! — кричал Микешин, отстраняясь от борцов, и получил ногою удар в живот.

— Ай, ловко, ай, ловко, — припрыгивал около них Федоров. — Нажми, Крылов! Григорьев, дай подножку... Вот молодец! Так его!

Головину, как непосредственному начальнику борющихся, предоставлялось право стать судьей, но борцы не хотели слушать никаких правил и законов борьбы. Это была не французская и не греко-римская борьба, — это была русская схватка двух молодых и здоровых парней, товарищей по оружию, друзей в бою, не хотевших уступить друг другу.

Временами казалось, что Крылов задушит в своих могучих объятиях тонкого и жилистого Григорьева, но мгновение — и великан Крылов с силой летел на пол, роняя ногой скамейку. Он вскакивал: ладное, ловкое тело Григорьева скользило и извивалось в жестоких объятиях.

— Убьется который-нибудь, — сказал Микешин Головину. — Уйми!

— Ничего не сделается, — убежденно произнес Головин.

— Поломают кости.

— В медсанбате сростят, — спокойно ответил Головин. — Ребята молодые, пусть силу копят. — Но сам зорко следил за борющимися; грубое красное лицо его с крупными чертами было невозмутимо, в прищуренных лучистых глазах сквозило насмешливое выражение.

Глаза борцов налились кровью. Вот-вот произойдет нелепая драка. Было видно, что, вольно или невольно, они уже причинили друг другу немало боли.

«Довольно, — решил Головин. Растолкав, он встал между борющимися. — Разойдись! — сурово и властно, как отдавал приказания, сказал он. — Что здесь?...

Цирк?! Отделению отдыхать надо. Оглянитесь, что наделали?.. Прибрать сейчас же!

И все отделение заметило, что среди раскрасневшихся борцов тридцатилетний Головин значительно тверже всех стоял на ногах, он точно врос в землю.

Автоматчики ворча разошлись в стороны и принялись за уборку.

— Слоник навязался, — разминая и поглаживая помятое тело, ругался Григорьев. — Шарик стопудовый!.. Я тебе когда-нибудь наломаю толстые-то бока.

— Хорош тоже... подножку ладишь, — сердито отвечал Крылов.

— Прикажешь ждать, когда шею свернешь?!

— Хватит, ребята, хватит! Не спорьте, — примиряюще говорил Микешин, взрыхляя притоптанную солому. — Поборолись... ладно... Никто не осудит... Любодорого смотреть было, силенка есть. Не устали воевать. Это хорошо! А зачем же ссориться?! Из-за чего?! У которого силы больше? Из-за этого только маленькие ссорятся.

Хата снова стала уютной и веселой со своими, белыми потолком и стенами, а взрыхленная солома — мягкой и пахучей. Они улеглись. Головин притушил лампу. Скоро здоровый храп наполнил хату.

Но спать пришлось недолго. Через час их подняли. И среди ночи, в шуме и грохоте автомашин и самоходных установок, они очутились в холодной Лысой Балке, как им назвали новое место остановки. Федоров разыскал яму, и отделение автоматчиков разместилось в ней.

II

Они лежали на земле, укрывшись заледенелыми палатками и брезентами. Северный ветер ожесточенно гнал с полей мелкий песок, резавший глаза. Сбившись в кучу, крепко прижимаясь друг к другу, автоматчики старались согреться; теплая хата, как сотни других случайных остановок, смутно напоминала о себе.

Натянув по шею заскорузлый брезент, Головин лежал лицом вверх и смотрел на звезды, ярко блестящие в ясном небе. Тонкие облака на западе иногда

закрывали луну, и по серой земле, холодной и ветреной, ползли темные тени через балку к полям, где изредка слышались одиночные ружейные выстрелы. Откуда-то слева, не смолкая, доносился далекий заглушенный шум моторов, он приближался, становился явственней; из неопределенного шума вырастал знакомый рокот танков. Казалось, танки шли совсем близко, рядом с балкой, но проходили минуты, и снова неясный глухой шум будоражил звонкую тишину морозной ночи.

Рядом с Головиным заворочался Микешин. Круглое лицо с короткими густыми усами показалось из-под брезента. Шапка сбилась набок. Он вылез наполовину, сел, оставив ноги под брезентом, поправил шапку, подул на руки и стал свертывать папиросу.

Головин сел рядом с ним. Они молча курили, согревая руки огоньком цыгарок.

Вдруг огненная болванка, рикошетом пройдясь по земле, шлепнулась в край балки; тишину ночи расколот артиллерийский выстрел. Вторая перелетела через балку; третья, фыркнув, зарылась влево от них.

— «Фердинанд» пугает, — сказал Микешин. — Ходит по переднему краю и пугает... Как неприкаянный. Больше сам пугается... Боятся же они ночи!.. Ночи и леса.

«Фердинанд» отошел вправо; болванки, точно невесомые, запрыгали по полю. Потом «Фердинанда» не стало слышно: забили минометы, их лающие звуки заглушили сухую, резкую стрельбу самоходной пушки.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Они сидели на краю ямы, и Головин слушал Микешина, говорившего негромко о своей деревне, об озере, что весной разливается до сеновалов, а летом уходит далеко-далеко, вплоть до Исадов и Лебяжьего мыса...

Головин не знал, где находятся Исады и Лебяжий мыс, и все Подозерье, о котором Микешин так горячо говорил, но слушал с охотой: слова Микешина будили в нем воспоминания о детстве, проведенном в деревне.

— Ведь как жили-то?! — убеждающе произнес Микешин. — Товарищ гвардии сержант, поверите ли?.. Земли-то! В день не объедешь!..

Головин молчал, Микешин плюнул и зло промолвил:

— Сорвал вражина с земли... Ну, как же его называть? Нет слов!.. Эрзац проклятый!

Он резко ткнул в землю недокуренную, давно погасшую цыгарку и вздохнул, нахмутив густые брови.

Ветер рванул с большей силой, и на брезенте закружились маленькие вихри песчаной пыли.

— И спать надо, и спать не хочется,—помолчав, вновь сказал Микешин. — Поговорил... но как будто не все... расстроился... Третий год... Однако и вас-то я задержал своими разговорами... Еще поговорим, товарищ сержант!—Он нырнул под брезент, повозился, укладываясь, и затих.

«Ну, что ж,—подумал Головин,—еще поговорим... если не убьют. У него—недопаханная земля, у Григорьева осталась невеста, у Федорова — куча детей, у Крылова—незаконченный техникум, Тихомиров не успел пробу на разряд сдать, у Кравцова—хорошая жена... Девять человек в отделении, и у всех жизнь оборванная войной...».

Он уже хотел последовать примеру Микешина—нырнуть под брезент и хотя на часок заснуть, как около ямы появилась знакомая фигура командира взвода.

— Головин,—кликнул тот, заметив сержанта.

— Я вас слушаю, товарищ гвардии лейтенант,—быстро вскочил Головин.

— Подымай отделение,—приказал командир. — Поедешь с бригадой ремонтников. На дороге что-то случилось с машиной... Так вот в помощь ремонтникам. Постройшь—и веди во взвод боепитания... Там уже ждут... Действуй!

Разгрузив машину с боеприпасами, вместе с ремонтной бригадой отделение автоматчиков выехало из балки на дорогу. Все ехали сонные, молчаливые, зевали, то и дело свертывали цыгарки, выкуривая их без аппетита. Путь оказался долгим, а дорога—тряской. Часто шли встречные машины; сворачивая в сторону, шофер замедлял ход. Наконец, они увидели в канаве свою машину, лежавшую на боку с выкатившимися из кузова бочками с горючим. Шофер и часовой, замерзнув, топтались у обочины.

— Что ж ты, Миша!—подходя, сказал шоферу бригадир-ремонтник старшина Старостин.—Подкачал... А?!

— Да разве я виноват?—оправдывался шофер, зябко втягивая голову в воротник шинели.—Вы бы видели, что тут было?.. Битва... Ехал, как полагается, нормально... Догнала колонна танков... Еду... Быстро не поедешь. Тут сотни дорог в поле наделаны. Свою проскочишь—намыкаешься. Кабы днем!... Кричат: «Сворачивай, а то в кювете будешь!» Что делать?.. Свернул, стою. Один и задел, чуть краешком... Может нарочно, созоровал, а может и нечаянно... И под откос. Как еще нас не убило! Спросите у сопровождающего. Танкистам что?.. Поохотали и уехали...

— Много, говоришь, ехало?—спросил Крылов, выдвигаясь из группы автоматчиков.

— Сотни две!

— Считал?

— Да разве сочтешь? Видимо-невидимо... Часа два проходили.. Артиллерия, катюши...

— Вот это дело! А ну, ребята, живей, перегружай бочки... Двести танков!.. Завтра непременно в прорыв пойдем. Провались она, Лысая Балка!..

— Раз танки прошли, конечно!—подхватил Григорьев.—Это уж как пить дать. Грузи веселей!

Оживленно и дружно работая, автоматчики перекатали бочки, зацепили тросы; прибывшая машина вытянула разбитую на дорогу. Ремонтники осмотрели повреждения; до расположения части можно было доехать на буксире.

— Мы свое сделали,—азартно сказал Крылов ремонтникам.—Вам теперь до утра хватит копать.

— Наше дело такое,—спокойно ответил Старостин.—После таких вот молодцов, — указал он на шофера аварийной машины, — заплатки штопать. Сглупил, Миша,—обратился он к шоферу.—Машину любишь, знаю... водить умеешь. А вот сноровки маловато. Съехал бы с дороги напрочь и только... Не везде же канавы... Так нет, стал рядом с канавой. Объезжайте впритирку.

— Такая громада сзади! Кабы днем! Смутился ведь!

— Как говоришь?.. Смутился? А!..—укоризненно покачал головой Старостин.—Идешь разболтанный, одет не

по форме, не поприветствовал начальника. Почему? Смутился. Подойти, повернуться не умеешь. Почему? Смутился, люди смотрят. На учебной стрельбе в цель не попал... Смутился. На поле боя тоже смущаться будешь?.. Там стреляют.

— Полно, Тимофей Егорыч, до слез доведешь парня,—заметил один из ремонтников.

— А я для того и говорю, чтобы он на всю жизнь запомнил,—ответил Старостин.—Садись за руль! Поедем вместе,—сказал он шоферу, усаживаясь с ним в кабину.

Снова отделение автоматчиков лежало под брезентом. Сосредоточение корпусных частей на узком участке фронта по опыту подсказывало им о начале больших событий. Разгоряченные, взволнованные предстоящим походом они много говорили, непрерывно курили, задыхались в яме и вылезали на ветер продышаться.

— А Старостин-то?—вдруг с восхищением сказал Крылов.—Я еще хотел его подкузьмить... Мол, мы, автоматчики-фронтовики, свое сделали, а вы, ремонтники-тыловники, копайтесь... Бывайте здоровы, живите богато!.. Не знал, не знал... Ай, старик! Ведь, сотни раз встречался. Смирненький такой, у машины возится, молоточком стучит...

— Тимофей-то Егорыч,—с уважением вставил Микешин.—Смирненький?! Попадись к нему, он те покажет... Из механиков-водителей по ранению в ремонтники перешел. Два ордена имеет.

— И занятную тему поднял! Смутился... Ишь ты! На поле боя смутился.. Почему?.. Там стреляют. Толковый мужик!

— Бывалый солдат! — подтвердил Микешин. — Не пройдет мимо неполадок... Все видит.

— А мне просто было давеча жалко Мишку,—вмешался Пудин.—Какое Старостину дело?.. Над шоферами он не начальник... Так, нет, надо выхвалиться: больше всех понимаю...

— Тю-тю, Пудин! Пудовая голова. Если хочешь, в этом корень всего...,—не спеша, отдельно сказал Крылов. — Попробуй, сделай что-нибудь нехорошее... Думаешь, твои же товарищи смолчат?.. Пока еще началь-

ник заметит, уж свои ребята осудят... Мимо не пройдут... Вдомек?..

— Ну, довольно болтать,—остановил Головин.—По-работали, отдохнуть пора! — И, когда все затихли, он поправил брезент над ямой и лег с краю.

Снова шум танков приблизился к балке и, отдаляясь, затих где-то в поле.

III

Казалось, что самолеты боятся сделать лишнее движение; как люди, взвалившие на себя непосильную тяжесть, медленно шли они по курсу, пастороженно распластав прямые крылья. Скоро, сотрясая землю, загрохотали бомбовые удары. Новые стаи самолетов, такие же осторожные в движениях, глухо рокоча, все шли и шли через небольшие промежутки времени.

Потом начала свое дело артиллерия. Стреляли тяжелые орудия, стреляли средние и малые — с боков, сзади, спереди, клокоча огнем, раскаляя воздух.

Полк уже не прятался больше в Лысой Балке: все готовились к выступлению. Машины были размаскированы, и около них возились ремонтники, шоферы, механики-водители, последний раз проверяя работу механизмов и моторов. Катили бочки с горючим, несли ящики со снарядами... Каждый делал то, что ему было положено.

На складской машине получали хлеб, консервы, табак, водку... Федоров, бывший в отделении автоматчиков на положении старшины, принес к самоходке туго набитые мешки.

Подъехала кухня, распространяя запах жирных щей... Все отделение тесным кружком собралось на мерзлой земле около самоходки. Федоров стал оделять людей водкой.

— Для начала дела по стакашку! — сказал он, поднося мерку Крылову.

— Добре! — крикнул Крылов, коротким броском опрокинув содержимое стаканчика.

— Федорову бы не автоматчиком быть, а старшиной хозяйственного отделения, — заметил Григорьев, — он

бы всех накормил, а главное сам бы наелся. Он у нас заботлив, как старая баушка. Баушка и есть!

Все взглянули на морщинистое лицо Федорова, на его дряблые щеки, отвисшую нижнюю губу и дружно захохотали.

— Баушка!

— Балуй! — осердился Федоров.

Головин строго взглянул на Григорьева: шутка могла перейти в ссору.

— Не буду, не буду... Поднеси еще чарочку, — примирительно сказал Григорьев..

— Не могу! Товарищ сержант разрешит — тогда пожалуйста!

Артиллерия все еще была, взламывая оборону противника. Земля тряслась и гудела. Передний край был окутан сплошной завесой дыма и пыли.

Головин взглянул на Кравцова, неосторожно пролившего водку; сухие, жилистые руки с тонкими пальцами выдали его волнение. Он вспомнил, что Кравцов идет в первый бой. Недавно Кравцов прибыл из запасного полка. У него был на редкость широкий лоб, чисто выбритые щеки, ясные большие глаза.

Начальник штаба, узнав, что он учитель семилетки, предлагал ему быть писарем, но Кравцов наотрез отказался.

— Что вы, что вы! — совсем не по-солдатски замахал он руками. — Помилуйте!.. Пятнадцать лет я пробыл в тесном классе... Нет, нет, я хочу непосредственно бить противника... Я зол на немца, как никто... Он разрушил все мои планы... Начал писать большой труд по педагогике, — и вот извольте видеть, война... Оставьте меня, пожалуйста, в роте автоматчиков!

Начальник штаба только пожал плечами. Кравцов остался в отделении: исправно выполнял приказания, содержал в чистоте оружие, был аккуратен в заправке... Он мог бы сойти за отличного солдата, если бы не прорывалось в нем нелепое в боевом деле многословие, за которое Головин и упрекал его на занятиях. Он смущенно краснел, извинялся и через час опять пускался в длинные рассуждения. В ущерб времени, Головину пришлось-таки выслушать чаяния и надежды учителя

на преподавание в послевоенной обновленной школе. Кравцов и на фронте не переставал думать о деле, которому посвятил свою жизнь... Однажды он показал Головину фотографию своей жены, которой он ежедневно писал письма. На Головина глянуло лицо тонких и нежных линий...

— Хороша? — тихо спросил Кравцов.

— Красавица, — подтвердил Головин.

— Вот и все мое богатство: она и школа... детей у меня нет.

— Иван Николаевич, — сказал Головин ободряющим тоном, — все мы пережили первый бой, и всем знакомо это... Крещение — неприятная штука... Меня крестили в тяжелое время отступлений...

— Да, да, — зашумели автоматчики. — Иди в бой, ничего не бойся!

— Это очень страшно, — сказал Федоров. — Я вот на третьей... Война — не шутка... Обязательно кого-нибудь убьют.

— Война — работа... Тяжелая и опасная работа во имя Родины, — медленно проговорил Головин.

— Главное, — сказал Микешин, — тут есть секрет. Был у нас майор в танковой бригаде... перед боем, всех осмотрит. И ежели, у которого вид понурый... руки трясутся... так сейчас же с танка долой. Иди, говорит, умойся холодной водой, ремень подтяни, заправься... пять минут сроку! Глядишь, бежит боец совсем другим человеком. Мне, говорит, вас не жалко и себя не жалко. А сам всегда с нами, — заместителем командира был. Люди, говорит, вы все очень хорошие, и люблю я вас... а жалеть — нет, не жалею... Пожалею — немец непременно вас разобьет вдребезги. А лучше уговоримся так: бейтесь, чтоб его вдребезги, а не он вас... Договорились?! Договорились! — кричим... Вот так-то лучше! — скажет. Вперед! — и сам на первый танк вскочит. Вот какой майор был!

— Я понимаю, что вы меня уговариваете? — конфузливо улыбнулся Кравцов.

«Что это выпирает у него на груди?» — заметил Головин, когда Кравцов, сидевший согнувшись, выпрямился и сел прямо.

— Товарищ Кравцов, что вы там спрятали под шинелью?

— Это, это... модель.

— Давай-ка сюда!

Кравцов вытащил что-то твердое, завернутое, в белый платок с синей каемкой. Он развернул его, и на землю выкатились разноцветные деревянные кубики.

— Что это такое?

— Это модель! — оправившись, твердо сказал он. — Куб суммы двух чисел. Вчера свободный был и сделал.

Автоматчики молча разглядывали кубики. Кравцов собрал их на платок и, вдруг оживившись, с улыбкой спросил:

— Кто алгебру помнит?

Человек пять в отделении знали алгебру.

И вот, под грохот артиллерийской канонады, Кравцов заговорил.

— Насколько известно, куб суммы двух чисел равен кубу первого числа плюс удвоенное произведение и так далее... Помните формулы сокращенного умножения? Два месяца ребята в школе зубрят эти формулы, два месяца! А с этой моделью? Я прихожу в класс, и за два часа для всех понятно. Вот, извольте, красный куб — куб первого числа; вот три зеленых параллелепипеда — произведение квадрата первого числа на второе; вот три синих...

— Толково! — восхищенно произнес Крылов.

— Так сказать, формула стоит на столе в классе и посмеивается всеми цветами, как живая, — пояснял Кравцов. — Видите ли, я задался целью оживить преподавание всей математики. А, ведь, математика — основа техники!.. Авиация, артиллерия, танки — все математика! Вот она какая, моя модель! Теперь попробуй-ка, учитель, войти в класс без моей модели, когда она — вот! Изобретена!

Они не сразу почуяли глубокую, настороженную тишину, наступившую в балке; слышно было, как шагах в пятидесяти от них в штабном автомобиле стучала пишущая машинка. После грома и молнии вдруг стало невыносимо тихо.

— Встать, приготовиться!

Головин осмотрел свое отделение. Солдаты стояли в одну шеренгу, у каждого запасной диск, пара гранат, за плечом автоматы.

Кравцов, не зная, куда девать свою модель, держал ее в правой руке.

— Сдайте Федорову, пусть он положит ее вместе с продуктами, — сказал Головин Кравцову.

Командир полка, собрав офицеров, отдавал последние приказания. В вечерних сумерках взвилась ракета. Офицеры побежали к подразделениям.

— По местам! — тихо сказал Головин, и автоматчики уселись на броню самоходки.

— Готовы? — спросил их лейтенант Нецветаев, командир установки.

— Готовы! — ответил Головин.

— Куб суммы двух чисел да спасет нас! — шутливо изрек Григорьев. — Что выдумает! — и он со смехом ткнулся головой в плечо своего друга Крылова.

Автоматчики захохотали. Лейтенант взглянул на Головина.

— После расскажу, товарищ гвардии лейтенант! — сказал Головин. — Кравцов такое придумал, что...

— Мото-оры! — прогремело в балке.

Взвилась еще одна ракета, и головная машина начала медленно подыматься в гору, оставляя за собой с треском вылетающие из выхлопных труб грозды искр...

Танк мчался по застывшей крепкой дороге, и, хотя ветер еще сильнее бил в лицо, холода они не чувствовали. Лицо горело, и глаза до боли впивались во мрак надвигавшейся ночи.

IV

Полная луна щедрым потоком обливала широкое промерзшее поле, ослепительно блестел тонкий лед полноводной реки, затихшей в серых крутых берегах. Справа синела грива леса, и по всему полю ровными рядами тянулись бесконечные посадки, уходящие к окрестностям деревень, притаившихся среди черных плешин

зяби и светлосерой щетины жнивья. По рытвинам, канавам, блиндажам и окопам залегли густые тени...

По проселочной узкой дороге механизированный корпус пересекал передний край немецкой обороны. Остовы обгорелых машин и танков, развороченных пушек, разбитые минометы, брошенные винтовки и другое оружие— все это лежало на их пути, поврежденное метким, губительным огнем.

Еще дымились остатки недогоревших машин и сооружений, затихавшее бледное пламя вдруг вспыхивало ярким огнем—трещали и рвались гранаты и патроны, а в танках и подземных складах взрывались снаряды и мины, взлетая на воздух громовым фейерверком...

Механизированный корпус, войдя в прорыв, врзался в расположение противника.

За ним, расширяя и закрепляя прорыв, вошли стрелковые дивизии. Шум боя сопровождал их движение. Впереди, характерно шипя, дали залп гвардейские минометы, и, прочерчивая огнем темное небо, снаряды с воем понеслись в сторону противника, отбрасывая его вглубь и в стороны.

А вдали, за густым мраком ночного горизонта, полыхало зарево пожарищ—мстительный след отходящего врага. Ветер, дувший несколько дней подряд, в эту ночь затих.

Суровый военный пейзаж окружал автоматчиков, прижавшихся к броне самоходной установки, шедшей на полной скорости.

Лейтенант Нецветаев сидел на узкой беседке над передним люком и отрывисто бросал короткие команды механику-водителю. Установка шла, мягко покачиваясь, мотор работал ровно, без перебоев.

Автоматчики негромко перебрасывались короткими фразами, делясь впечатлениями о только что пройденном разбитом переднем крае немцев.

Микешин отделился от автоматчиков на верхней площадке, спустился на откос задней части, где было горячо от работавшего в моторном отделении двигателя, и, упершись ногой в выхлопную трубу, устроился рядом с Кравцовым.

— Ботинки сожжем!.. Подошва того гляди отстанет,— сказал он. Но остался на месте, закурил и, с явным желанием затеять длинный разговор, спросил Кравцова:

— А что, Иван Николаевич, как вы думаете, долго протянется война?

Кравцов что-то глухо ответил. Беседа не клеилась. Микешин бросил на дорогу цыгарку, мелькнувшую огоньком, и недовольно сказал:

— Нет лучшего распорядка дня, как в солдатстве. Вот как!.. А вы говорите, скучно?! Солдат я навеки!

— Эй, ты, вояка!— сказал, приподымаясь, Крылов. — А что всего страшнее на войне?

— Всего страшнее? — замялся Микешин от неожиданного вопроса. — Страшнее?

— Эх, ты! Солдат, а не знаешь, — засмеялся Григорьев!

— Бомба! — сказал Тихомиров, молодой скромный парень с розовыми, пухлыми, как у ребенка, щеками. Он почти всегда молчал, не вмешиваясь в разговоры других. — Особенно с «Хейнкеля»... Свистит, а не видно...

— Снаряд тоже свистит, а не видно,— оборвал его Пудин.

— Пулеметный огонь...

— Мина...

— Чепуха!.. Все не то, — ответил Крылов.

Все зашумели: каждый переживал на войне что-то действительно страшное, но что?..

— Тише вы, — повернулся к ним лейтенант Нецветаев. — Генерал у моста, видите?

— Генерал?!

Он стоял на бугорке при спуске, высокий, плечистый, в папаче, в брезентовом плаще поверх шинели. Лунный свет давал возможность разглядеть резко очерченное лицо с ястребиным носом и строгими глазами.

— Вперед, «Роза»! — крикнул он, когда машина поворачивалась.

Приветствуя генерала, солдаты вскинули вверх автоматы.

При перемене скоростей машина застопорила, генерала обдало волной несгоревшей газолы.

— Вашей самоходкой чертей пугать! — раздельно, подчеркивая каждое слово, сказал генерал. — Без суеты... не торопясь... но быстрее! В двух километрах бой идет!

Установка рванулась, выпустила еще раз струю копоти и бездымно и плавно пошла по спуску. Когда уже проехали мост, лейтенант неудоменно произнес:

— Надо же было при генерале... Подкурили... А?!

— Ох, и генерал! — с восхищением сказал Микешин. — Двадцать раз объедет все части... «Без суеты... не торопясь... Но быстрее! Быстрее!» — восторженно повторил он слова генерала. — Вот это по-солдатски — без суеты, но быстрее!

Боя они не застали. Танковая бригада уже опрокинула заслон немцев и ушла вперед. Они продолжали движение.

Вдруг головная машина, которую вел начальник штаба, повернула налево, и весь полк вслед за ней вытянулся цепочкой, изменив направление с севера на запад. Прошли километров десять — и снова резкий поворот на юго-восток.

Продвигаясь вперед, они постепенно теряли из вида соседей. Когда входили в узкий прорыв, видели танковые бригады, зенитчиков, минометчиков и другие части прорыва; теперь, к исходу ночи, казалось, что только один их полк все мчится и мчится по бескрайним просторам... Шум боёв возникал и замолкал справа, слева доносилась пулеметная трескотня. Потом все замолкло, и в ясной лунной ночи наступила непривычная тишина.

— Все понятно! — воскликнул с восторгом Крылов. — Саша! — позвал он Григорьева. — Все понятно! Мы идем к Нижнеднепровью... Окружаем немцев, которые еще на левом берегу Днепра. Будем бить тех самых, что в ноябре — декабре нам спуску не давали. Ух, и намерзлись! Два километра вперед — два назад. Вперед — назад! А я-то думал, куда нас с четвертого Украинского на третий везут? Думал, где-нибудь под Киевом воевать придется... А тут тебе, пожалуйста! Старых знакомых с тыла ударим! Ловко! Как тебе это нравится?... Разрежем, окружим, уничтожим. Сейчас февраль... Март — апрель... Николаев — Херсон — Одесса! Во, этапы пути!

— Ты у меня генерал! — насмешливо и в то же время восхищенно сказал Григорьев. — Все как на ладони. Николаев—Херсон—Одесса! Май — Бухарест, июнь — Будапешт... Ну, а уж, нехай, июль — Берлин! По расписанию!

— Замахнулся! Июль — Берлин! На сегодня все понятно. Вот в чем соль! Вперед, «Роза»!.. Закурим по сему случаю...

Но курить не пришлось. Самоходка остановилась. Расталкивая автоматчиков, лейтенант Нецветаев быстро бросился к командирскому люку. Он мгновенно нырнул внутрь.

— К бою — слышалась его команда.

Навстречу шли две машины. Не доезжая до головной, они круто повернули вправо и начали уходить, пересекая по диагонали поле. Судя по силуэту, это были транспортеры на гусеничном ходу. Они мчались на большой скорости, взрывая черную зябь.

Три передних самоходки разворачивались на дороге для стрельбы. Их машина тоже повернула влево, протаранив гусеницами подошву дороги.

— По передовой!.. Упреждение — одна машина. Огонь!

Раздался выстрел. Установку легко качнуло назад. Снаряд разорвался ближе уходящих транспортеров. Разрывы с других самоходов легли правее и левее. Кольцо разрывов вокруг транспортеров сжималось.

— Огонь!

Оба транспортера вспыхнули и загорелись. Секунда — и в них стали рваться снаряды, осветив поле феерическим блеском.

— Добре! — сказал Крылов. — Они на передовую снаряды везли. И не подозревают, что мы уж тут. Поздравляю, ребята! Мы в самом настоящем тылу у немцев. За пять шагов от самоходки можно нарваться на гитлеровца. Теперь вперед! Вперед, «Роза»!

После короткого осмотра машин они снова продолжали путь. Отовсюду им угрожала смерть.

Они приближались к деревне, темным горбом прижавшейся к покатоному холму. За деревней блеснул снап

огня, и вправо от них, около развилки дорог, разорвался тяжелый снаряд.

Головная машина уже вошла в деревню. Установка на полной скорости понеслась вслед. Пыль, грохот, чад, разрывы, свист осколков... Самоходку подбросило вперед, осколки забарабанили по броне...

Установка вихрем неслась к деревне. Вот уже первые дома...

— Подтяните нас, братцы, упаду, — закричал Микешин, правой рукой придерживая Кравцова; ноги скользили по выхлопной трубе, не находя упора.

Их втащили обоих на площадку. Кравцов был убит, Микешин легко ранен в левое плечо.

Установка остановилась, прижавшись к стене хаты. Начальник штаба стоял на дороге, задерживая подходившие машины. Три передние самоходки за деревянной обстреливали немецкую батарею.

С брони сняли поникшее тело Кравцова и положили его под деревом. Крылов склонился над убитым товарищем.

— Это и есть самое страшное! — произнес он дрожащим голосом. — Быть убитым в первом бою врагом, которого не видишь. Так вот был убит у меня меньшей брат... Ничего и не видел... Ох, и достанется от меня нынче немцам! — мрачно сказал он и пошел, грузно ступая, к самоходке.

Микешин рассказывал:

— Начался обстрел, Кравцов, видно, напугался, ну, и пополз с брони... Я его левой рукой и обхвати... Как ударило! Его навывлет, а меня по мякоти царапнуло. Вы не думайте, что по тылам буду околачиваться... Нет, скоро вернусь, ребята... Я живучий! Третий раз ранило... Ждите обязательно!

Они простились.

Немцы бежали с батареи. Командир полка приказал подорвать пушки и снаряды. Скоро прогремел взрыв, и они снова двинулись вперед.

И было странно идти в предвидении боя лицом к своей Родине. Установка, как на ученьи, соблюдая установленную дистанцию, катилась плавно, почти бесшумно; проселочная дорога была твердой, накатанной.

Но вести машину становилось все труднее и труднее: сгущавшаяся темнота закрывала переднюю установку. Лейтенант то и дело взглядывал на небо. Полная, ясная луна, освещавшая путь в начале рейса, безнадежно зашла за пухлые, низкие облака, постепенно затянувшие все небо. В воздухе потеплело; на землю опустился густой мрак. Они уже не раз испытывали на себе переменчивую погоду февраля сорок четвертого года юго-западной Украины. Глубокие снега смывало холодными дождями; плотные дороги в один день раскисали, тяжелая, липкая грязь, толщиной в метр, как клещами, схватывала колеса и гусеницы; машины беспомощно буксовали на месте. Моторы перегревались, и машины останавливались среди поля, ожидая изменения погоды, просушки и отвердения дорог.

Мрак все сгущался, закрывая автоматчиков, как шапкой, теплым туманом; тяжелые, мокрые хлопья снега повалили на землю. Колонна остановилась в ожидании рассвета.

Головин поставил часового охранять установку. Они сгрудились на броне и укрылись от непогоды большим танковым брезентом. При свете электрического фонарика заботливый Федоров раскрыл свои вещевые мешки.

— В самый раз теперь закусить, ребята, — сказал он, вскрывая консервную банку. — В такую темь немец из хаты не вылезет.

— Точно, — подтвердил Крылов. — Танки немецкие с шоссе на просёлочную не сойдут, побоятся, — гусеницы узки против наших. А мы шоссе перехватим, и начнется кадриль для хваленной немецкой техники. Автомашины их сунутся по балкам и стадом свиней зароятся в грязи, а наши «зисы», как крокодилы, проползут... Добре! Снег, грязь — все на пользу русскому солдату!

— Люблю изящную жизнь! — принимаясь за хлеб с мясом, промолвил Григорьев. Его веселая рожица с серыми плутовскими глазами расцвела лукавой улыбкой. — Крутись, шарики!.. Крутись! — вспомнил он разговор об атомах.

— Крутись! — с восторгом подхватили другие.

Чуть свет полк двинулся дальше. Метель не переставала; хлопья снега мешали движению, таяли, смести-

ваясь с грязью; по гусеницам установки ползли липкие комья чернозема. В тяжелых набухших шинелях, запорошенные мокрым снегом, автоматчики сидели на броне, вглядываясь в белесоватую мглу.

Вблизи большого села они заметили немецкие танки, маячившие на высоком, приподнятом над полем шоссе. Установки подошли на дальность прямого выстрела и, развернувшись, открыли огонь. Танковый бой был короток, как поединок. Четыре немецких танка загорелись, остальные танки отступили, скрывшись за селом.

Полк вступил в село.

V

Командир полка подполковник Талеев, стоя у крыльца хаты, в которой расположился штаб, отдавал приказания начальнику штаба майору Ульянову. Установка, на которой было отделение Головина, стояла недалеко от хаты у каменного колодца под деревом.

— Отдохнуть бы, но не могу. Сам знаешь... Приказ!— говорил подполковник: — Перерезать железную дорогу надо сегодня же к вечеру. День короток. Надо выступить сейчас же!

Среднего роста, в серой солдатской шапке, сутулый, уже пожилой, но живой и подвижной, он говорил отрывисто, энергично жестикулируя. Начальник штаба, не спуская глаз с командира, вытянувшись, стоял перед ним.

— Так вот, Александр Петрович,—продолжал подполковник,—оставайся здесь, в Андронове, а я поеду. Возьму три установки. На тебя весь полк оставляю. Держись крепко. Здесь работёнки может оказаться очень много... Потому тебя и оставляю, — дружески подчеркнул он.

Командир протянул на прощанье руку и направился к установке.

Наклонив голову, он ладным ударом отбросил грузную глыбу таявшего снега в крупнейшую лужу, разлившуюся около крыльца. Автоматчики, не отрываясь, следили за каждым движением командира; точный и сильный удар пришелся по сердцу солдатам.

— Принимайте командира полка, — сказал подполковник, подходя к гусеницам.

Подал руку, его подхватили, и он легко вспрыгнул на броню.

— Где тут у вас поудобней? — Ему постлали на башню брезент; он сел, поставив ноги на ствол пушки.

— Нецветаев, смотри! — сказал он командиру установки. Вынул из планшета карту и стал давать маршруты.

Лейтенант вынул свою карту, нанес карандашом путь и, внимательно просмотрев его, обратился к командиру.

— Товарищ гвардии подполковник! Разрешите?

— Да.

— Здесь не пройдем, — он показал на карту. — Низменность. Болото. Завязнем. Не лучше ли по шоссе и направо по грейдеру? Километров тридцать. За час у полустанка будем.

— Нет, нельзя, — ответил подполковник. — Известно, свободно ли шоссе... Что-то не слышно других частей. Они должны тоже сегодня выйти на шоссе. Но, ведь, видишь, какая грязь! Погода подкачала. К вечеру корпусные части должны к железной дороге выйти. Но мы ничего не знаем. Знаем только то, что несомненно все выполняют приказ. Да... Все выполняют приказ, — повторил он. — По шоссе и по грейдеру нельзя... Мы рискуем встретиться с противником более сильным, чем мы... И тогда-то уж мы, конечно, не выполним приказа. А здесь, — указывал он на маршрут, — двадцать километров, — полями, крадучись около посадок, по болоту мы наверняка не встретимся с противником. Ни одной деревни... Голо... никого там нет! И если завязим установки, дойдем пешими — взорвем полотно. Приказ выполним. Веди!

Они вышли садами за село; установка, глубоко врезуясь гусеницами в мягкую землю, тяжело потянулась по черному, омытому стаявшим снегом полю. За ними шли еще две машины.

Сизые набухшие тучи медленно затягивали серое небо. Посадки дымили испарениями; ледяные сосульки на деревьях оттаивали и, шурша, падали на землю. От ометов соломы на полях стлался густой пар. Прижимаясь

к посадкам, между ометами, в тумане, как и предполагал подполковник, они шли по пустынному, широкому полю.

Командир полка, согнувшись, сидел на башне. Он часто закуривал, папиросы гасли, он бросал их недокуренными.

— Поняли, куда идем? — спросил он.

— Так точно, товарищ гвардии подполковник! — ответил Головин, как старший среди автоматчиков. — Идем перерезать железную дорогу возле какого-то полустанка. Названия не знаем...

— Правильно! И обязательно перережем. Подождем немца к Днепру с запада. И пусть он отступает вниз к Черному морю. Там его тоже прижмут, — хороший котел будет.

Задняя установка остановилась, застряв в грязи. У спуска в низину отстала и вторая. Передняя все еще упорно ползла, преодолевая вязкую землю. Их догнал командир батареи, прибежавший доложить подполковнику, что самоходки не могут продолжать движение.

— Плохо, капитан, плохо, — сердито, сказал командир. — Из трех одна... Делай, что нужно. К утру чтоб быть у меня. Идите!

Они спустились по склону поля в широкую низину, поросшую мелким лесом. Глубоко проваливаясь по расквашенному болоту, установка утюжила днищем липкую землю, по гусеницам ползли огромные глыбы тяжелого чернозема, мотор шумно гудел, затихал и глох... Через минуту двигатель снова яростно трещал, установка всей своей сорокатонной тяжестью наваливалась на землю и ползла на брюхе, подталкиваемая туго ворочавшимися гусеницами. Все сошли с установки, даже экипаж, кроме механика-водителя, и шли по бокам, напряженно следя за усилиями машины. Лейтенант Нецветаев бежал впереди, надеясь отыскать более твердую почву. Наконец, дотянулись до леса. Ломая деревья, машина пошла легче. В особо топких местах они рубили фашины и бросали под гусеницы.

Занятые машиной, не заметили, как стемнело. Поднялся резкий ветер, холодный косой ливень захлестал в лицо. Потски воды мчались по склонам в болото. Ко-

мандир полка, укутавшись в брезент, сидел на броне, только нос да пытливые глаза были видны.

— Ах, черт возьми! Веселей, Нецветаев!.. Подстегивай свою кобылку!

— Стегаю!.. Новожилов!—крикнул он механику-водителю.—Нажимай!..

— Выжму!.. Моя не подведет,—отозвался из люка механик-водитель старший сержант Новожилов.

— Да тут озро к вечеру будет,—заметил Крылов, перепрыгивая канаву.—Что воды хлещет! Потоп!

Установка рывком поднялась и ровно пошла по полю.

— Отечественная да не вывезет!—сказал Григорьев, мокрый до нитки, озорно приплясывая по лужам.— Крутись, шарики! Баушка, у тебя все сухари скисли!

— Тебя и заставлю есть!—сердито ответил Федоров.

— Ели автоматчики сухари в бою?.. А немец-то на что?..- Наворовал на Украине, припас... Неужели машинку-другую не отобьем?

Стало темнеть. Все снова заняли места на установке.

— Давай, Нецветаев! Километров пять-шесть осталось. На полную скорость!—приказал командир полка.

Они миновали поле и укрылись в конце высокой посадки. Впереди в ложбине проходил железнодорожный путь, налево в километре виднелись строения маленькой станции.

Ливень прошел. Автоматчики залегли вокруг установки, наблюдая за станцией, проселочной дорогой, проходящей к ней со стороны шоссе, за движением на путях и широким пустынным полем.

К станции подходил поезд, железнодорожные служащие вышли на платформу для встречи. Поезд постоял несколько минут и вышел со станции.

— Товарищ гвардии подполковник! Поезд выходит со станции,—доложил Головин.

— Вижу, вижу, Головин! Нецветаев! Разбить!—приказал он.

Командир установки проскользнул в люк. Установка медленно повернулась чуть вправо, орудийный ствол начал вкрадчиво опускаться вниз. Наводчик Рогозин брал на перекрестие панорамы насыпь железнодорожного полотна.

Развивая скорость, поезд с шумом приближался; миновав стрелки, паровоз выпустил клубы пара, приближаясь к прицельной точке... Первый снаряд прожужжал впереди паровоза и разорвался за насыпью; второй угодил прямо в котел. Поезд остановился, заволакиваемый облаком густого пара.

— Один снаряд по вагону... в середину, чтоб по всему поезду огозвалось... Один перед насыпью, чтоб не было желания противнику бежать сюда... Огонь! — командовал подполковник. — Скорей!.. Скорей!.. — нетерпеливо крикнул он в люк. — Не давай опомниться!

Когда пар рассеялся, стали видны вагоны, можно было разобрать, что перед ними товаро-пассажирский состав.

— Головин! — окликнул подполковник. — Бери отделение, разведай, что за состав, кто ехал, куда побежали люди? Нецветаев! Дай еще два снаряда за полотно, чтоб не обидели наших автоматчиков.

Перебежками, ведя огонь по окнам вагонов, они побежали к железнодорожному полотну. Головин впереди, часто падая и стреляя, кричал:

— Ложись!.. Ложись!..

Из окна среднего вагона застрекотал автомат; Пудин, бежавший во весь рост, взмахнул руками и ткнулся головой в землю. Григорьев первый заметил вражеского стрелка, быстро упал, дал очередь; в окне вагона взметнулся человек и скрылся из вида. Головин, оглянувшись на Пудина, сердито проворчал:

— Бежит, как маленький!..

За полотном виднелись группы бежавших по полю людей. Шесть пассажирских вагонов были завалены разным багажем. Поспешно убегая, немцы оставили оружие, шинели. Автоматчики вскрыли несколько чемоданов, в них оказалось платье, белье, женская обувь.

— Не задерживайся! — торопил Головин.

На столике у окна Головин заметил короткий блестящий кинжал с костяной ручкой. Он взял его и сунул в карман шинели.

— Чорт, а ведь без ноги, — пнул Григорьев убитого им немца. — Бежать не мог, остался.

— Домой ехал к своей Маргарите, — сказал Крылов. — А Пудина кокнул.

В товарных вагонах они нашли продовольствие: туши свинины, баранины, сахар, муку, вино...

— Российское добро! — вздохнул Крылов. — Эх!..

— Забирай! Кто сколько дотащит! — распорядился Головин. — Еще сегодня ночью все это может сгореть.

Тяжело нагруженные, они пошли обратно к установке.

— Стой! Чуть не забыл, — крикнул Головин. — Крылов, пробеги по вагонам, найди топор!

Они повалили один столб с густой сетью проводов, разорвали связь, забрали на поле труп Пудина и возвратились к установке. Головин доложил командиру полка о результатах разведки.

— Убили Пудина, — смущенно добавил он.

— Что ж, ты, сержант, плохо людей бережешь? — сказал подполковник.

— Бежит во весь рост, как маленький!.. Я кричу «ложись!», а он хохочет...

— Значит — воинской части нет, — задумчиво произнес подполковник, — ехали случайные военные пассажиры.. В товарных — награбленное добро... Все равно, так или иначе немецкое командование скоро будет знать о нашем выходе к железной дороге. Дорога им нужна. Дело серьезное! Так, — вслух соображал он. — Что же нам делать. Маловато нас...

Было уже совсем темно, мелкий дождик посыпался на землю. Солдаты стояли перед командиром, он сидел на куче прутьев у лобовой части установки, под пушкой.

— Можно мне, товарищ гвардии подполковник? — сказал самый молодой из автоматчиков, Тихомиров.

— Скажи, — улыбнулся командир.

— Вот, я служил в полевой артиллерии, — застенчиво начал Тихомиров. — Там, бывало, из батареи выделялось одно орудие... Оно ночью выезжало по разным точкам и стреляло, чтобы, значит, показать, что нас много. И называлось это орудие кочующим, потому как постреляет и скорей перекочет на другое место. Вот и нам по полю разложить костры, на километр, а то и больше, вроде как солдаты греются, показать, что нас много, обмануть немцев. Как и кочующие орудия, только кочующие костры...

Взрыв смеха и возгласов прервал речь Тихомирова.

— Молодец!.. Ай, молодец! — одобрительно промолвил командир, трясаясь на куче. — Кочующие костры! Верно, все мы здесь, как кочующие костры, солдаты грядущего коммунизма... И горит в нас гнев и ненависть, — серьезно сказал он. — От этого огня и погибнет враг... Закройте-ка меня чем-нибудь! Дайте фонарь, писать буду.

Вскоре командир полка подал Головину пакет, адресованный начальнику штаба.

— Дорогу найдешь? — спросил он. — Лучше иди по следу. Болото, надо полагать, затопило. Сам сообразишь, где итти. Часам к трем ночи обязательно до ставь! Ну, счастливый путь!

VI

Головин шел по танковому следу навстречу тьме, окутывающей грязную землю. Безостановочно, пудно сыпался мелкий холодный дождь. Порывы ветра проносились по широкому безмолвному полю. Дождь размочил гусеничный след, вязкий чернозем тяжелыми комьями цеплялся за ноги. Уже давно не было видно конца посадки, где укрывалась самоходная установка и остались сго товарницы.

Вода проточила мокрую шапку, и липкая противная струйка, проворно проскользнув по шее, потекла по спине. Шинель также пробило дождем, вода заскользила по плечам, груди, собираясь под туго затянутым ремнем. Он шел разгоряченный, злой.

Оглянувшись последний раз в сторону друзей, он спустился с бугра в низину.

Танковый след в низине был полон обманчиво блестящей воды.

Итти по следу становилось труднее и труднее. Пройдя километра два, Головин очутился на берегу широкого сверкающего рябью озера. Ошломленный, он сел на мягкую, как кресло, мокрую кочку. Глотнул из фляги водки, закурил.

«Куда же свернуть? Налево, направо?.. Насколько удлинит путь озерко?».

По его расчетам, он прошел уже километров семь,— треть пути, и ему казались нестрашными остальные две трети.

«Обойдя одно, — раздумывал он, — может быть, наткнусь на другое, третье озеро...».

В ширину низина была километров пять, и, неизвестно для него — сколько в длину. Там за низиной остались отставшие днем самоходные установки. Он надеялся встретиться с товарищами, передохнуть у них, взять с собой кого-нибудь в дорогу. Низина разбила все его планы.

Головин стоял перед озером, как в сказке перед придорожным камнем: «Налево поедешь — коня потеряешь, прямо — коня и себя погубишь, направо — сам будешь убит...». Левее, ближе к железной дороге — немцы, правее — наверное, тоже немцы. Он не имел представления о той местности, что находилась левее озера, но правее, знал, должен проходить грейдер, — так зовут на Украине проселочные дороги. Грейдер идет вдоль реки и выходит на шоссе, пересеченное ими утром. Но днем они не шли по шоссе и грейдеру во избежание встречи с противником. Какова обстановка сейчас?.. Подтянулись ли к шоссе другие части, кроме своего полка?.. Ничего этого он не знал. Свернув с танкового следа, всего вероятнее он мог оказаться в расположении противника. Головин решил повернуть направо и выйти на грейдер, по крайней мере, он не мог сбиться с пути, хотя и предстояло проделать большой круг.

Итти по берегу озера было тяжело; он проваливался в ямы, вылезая, полз на животе, цепляясь за какие-то корни, обрезал до крови руки. Вставал, делал несколько неверных шагов и снова падал в грязь. Пришлось отойти от берега озера метров на двести. Тут ему повезло — он попал на скошенный луг с жестким срезом прошлогодней травы. По лугу дошел до конца низины и поднялся на бугор. Лег на землю и устало осмотрелся кругом. Впереди широкая полоса жнивья уходила к чернеющей вдали посадке: там должен быть грейдер.

«Что ж, солдат, — подумал он — пакет-то надо доставить».

Приподнялся на локтях и с трудом сел, расправляя отяжелевшие ноги, облепленные толстым слоем липкой грязи.

Носовым платком протер автомат, поправил на ремне запасной диск, гранаты. Отстегнул фляжку и глотнул водки, горько разлившейся по высохшему ргу... И сидел без движения, без мыслей, закрыв глаза. Сырая земля притягивала к себе, хотелось спрятать голову в воротник шинели и надолго заснуть, пока не остынет разгоряченное ходьбой тело.

Свернув большую, с палец толщиной цыгарку, задыхаясь клубами дыма, с отвращением курил, отгоняя сон. Тяжело встал, пошатываясь, пошел по жнивью. Он не помнил, как долго шел, должно быть дремал, хотя и слышал каждый звук тихой ночи. Прижимаясь ближе к посадке, он пошел по дороге.

Дождь перестал; изредка выглядывала холодная луна сквозь быстро бежавшие рваные облака. Ветер шелестел голыми ветвями деревьев в посадке. В глубоком овраге шумела река, прорвавшая лед. Фронтная ночь была тихой, спокойной,— ни выстрелов, ни шума машин, но воюющие порывы ветра, пересвисты каких-то степных зверьков, неясные шорохи наполняли ее тревожными звуками. Как только свет полной луны прорывался сквозь облака, неожиданно появлялись косматые длинные тени незнакомых предметов...

Навстречу шли машины. Головин бросился в сторону посадки, разрезав лицо о жесткие колючки. Прижался к земле и замер.

Три автомашины, обдав грязью, прошли в пяти шагах от него. Машины были битком набиты солдатами, он расслышал отрывистую немецкую речь.

«Удирают.. Хорошо!».

Встал и пошел направо, к реке. Луна осветила местность. Он нашел тропку, вьющуюся по берегу. Тропка привела к изгибу реки, отлогому берегу, густо усеянному валунами. Головин только хотел сесть на камень и отдохнуть, как на противоположном крае изгиба показалась человеческая фигура в высоком кепи. Заметив его, она проворно упала за камень и дала по нему очередь. Пули просвистели мимо уха. Головин упал. Пере-

прыгивая через камни, человек побежал к нему. Головин выстрелил. Человек тоже упал.

— Эге! — жар охватил его, он пополз между камнями навстречу врагу.

Враг снова выстрелил.

— «Жив! Нервничаешь?! Все равно убью! Все равно убью!» — твердил Головин, скользя между камнями. Противник дал большую очередь; пули, отскакивая от камней, визжа разлетелись в стороны.

— Все равно убью! — шептал Головин, пьянея от этой мысли.

Противник перестал стрелять. Несомненно, он тоже полз между камнями в его сторону. Они сближались бесшумно, как змеи. Не слыша, не видя друг друга, но чувствуя всем существом неотвратимую схватку, неминуемую гибель кого-то из них... Не отдавая себе отчета, Головин свернул вправо и проскользнул к реке. Пощупал рукой темную воду, отливающую свинцом; у берега осталась не растаявшая острая кромка льда.

«Нет, не вытерпеть, холодно, против течения собьет... Надо ползти рядом с водой... Справа безопасно. Но и он, наверное, держится воды?».

Головин повернул в обратную сторону и быстро пополз от противника к началу спуска:

«Пусть ползет, пусть ищет»... Работая локтями, весь в жару, он скоро достиг черной полосы, подходившей к изгибу реки.

Выглянул на берег реки, вскочил на ноги и помчался по полю. Сделал большой круг и выбежал к тому месту, откуда противник впервые обстрелял его. Кинулся на землю и пополз, преследуя своего врага. Полз быстро, но тихо, прижимаясь к кромке льда; пенная клокочущая вода обдавала студеными брызгами. Казалось, прошла вечность, так долги были минуты упорного, злого преследования... Наконец он расслышал неясный шорох впереди. Приподнялся и увидел длинную тень, колыхнувшуюся между камнями. Их отделяло шагов двадцать... Головин прицелился с колена и выпустил несколько коротких очередей. Тень взметнулась и неподвижно легла в камнях; он услышал хрип и стоны.

Бросился к нему. Человек лежал на спине. Головин увидел лицо врага, горячие глаза, устремленные на

него. Схватил выпавший из его рук автомат и швырнул в реку.

Человек тянул к нему руки и что-то говорил. Головин понял только два слова из его речи.

— Рус... рус... Ур... ур! — правой рукой он старался отстегнуть пряжку часов на левой. Сняв, он протянул Головину часы, блеснувшие золотым ободком.

— Гут... гут... Карош... рус!...

Головин взял часы, размахнулся и вдребезги разбил о камень.

— Зачем ты в меня стрелял первый?.. — зло сказал он. — Сдался бы в плен, и все обошлось бы хорошо... Часами хочешь отделаться?.. Русский за часы не продается... Вот!.. Давай документы!.. Я узнаю, кто ты таков!

Головин не знал, понял ли его немец, но он заметил, как тот судорожно схватился руками за грудь.

Головин склонился над ним, сильно рванул за шинель, отрывая и расстегивая пуговицы. Немец вскрикнул и вдруг яростно схватил его обеими руками за горло. Все смешалось у него в голове, мутные круги с огненными вспышками поплыли перед глазами... Головин не мог освободиться от рук врага, горячее дыхание его он чувствовал все ближе. Автомат, зажатый между ними, диском давил грудь; освободить его и стрелять не было возможности: можно было взорвать и себя и врага гранатой... Головин вспомнил о кинжале, взятом в вагоне разгромленного вражеского поезда. Этот кинжал был без ножен и лежал у него в кармане. Он вынул его и со всего размаха ударил немца в бок. Руки того разлетелись в стороны, Головин упал рядом с ним.

— Так и знал! — сказал Головин вслух, отыскав на груди немца пакет. Он положил его в карман гимнастерки, застегнул пуговицы, проверил; застегнул шинель, подтянул ослабший ремень. Вытер кинжал о шинель немца. Спотыкаясь, с трудом передвигая ноги, Головин пошел к грейдеру.

С дороги неслись нестройные крики, прорывались веселые возгласы:

— Дружней!.. Взяли!..

Он с облегчением вздохнул.

Вышел на дорогу и стоял, поджидая в тени посадки. Весь грейдер был занят отдельными группами людей, они что-то оживленно и шумно тащили по грязи. Передняя группа поровнялась с ним. Человек десять, перекинув через плечо постромки, тянули истребительно-противотанковую пушку. По системе пушки Головин признал полк, входивший в корпус.

— Эй, хлопцы! Далеко ли до шоссе? — окликнул он. Люди остановились.

— Что за человек?! Подойди ж ближе, мы подыдемся! — крикнул один из них, отделяясь от пушки. Голос показался знакомым.

— Парасочко! Никак, ты! — вскричал Головин, обрадованный.

— Це я! А вы хто будете? — он шагнул ему навстречу, шумно шлепая по грязи.

— Головин! — крикнул он, узнав его. — Где ж вы ходили?

Сержанта Парасочко, командира противотанкового орудия, Головин не раз встречал в боях на левом берегу Днепра. Там их полки часто стояли рядом.

Он рассказал ему, что идет связным от полустанка в Андронове, спросил его далеко ли до шоссе и свободен ли путь до села.

— Э!.. На сорок километров шоссе наше! — ответил Парасочко. — Машины ходют. Иди смело! До шоссе туючка три километра. А мы тянем. Дывьсь!.. За шоссе в грязюке весь полк застрял. Шли полями, машины встали. Сейчас убегли за тягачами. И вот на себе орудю тянем до железяки. Чтоб к утру быть.

— Поспешайте, — сказал Головин. — Немцы, того гляди, тоже ночью подтянутся. Железная дорога им очень нужна. Грейдер идет к полустанку. Вправо от полустанка в километре стоит немецкий поезд со всяким добром. Мы подбили. Выпить и закусить хватит. Но только имейте в виду: около поезда в посадке стоит наша самоходка, установите связь, а то она ваши пушечки пустит по ветру...

— Но!.. Мы продырявим вашу посудину, як макитру, — смеясь, ответил Парасочко.

Головин угостил приятеля водкой, и они расстались. Другая группа с пушкой подходила к ним. Люди Парасочко снова впряглись в постромки.

Три километра он прошел быстро. На его счастье по шоссе проходила машина, минут через двадцать она и доставила его в Андроново.

Село было заполнено войсками. Стоял тот напряженно глухой шум возни с машинами, когда необходимо было соблюдать тишину и светомаскировку, а спешное дело заставляло греметь железом и зажигать переноски, чтоб, хотя бы на минуту, осветить ремонтируемую деталь. В темноте слышались окрики часовых, шлепание ног по несусветной грязи.

В штабе никто еще не спал. Когда Головин вошел, начальник что-то диктовал машинисту.

— Как у вас там дела? Железную дорогу перервали? — спросил он.

Головин твердо шагнул к нему и громко отрапортовал:

— Товарищ гвардии майор, связной командира полка гвардии сержант Головин с пакетом явился.

И передал два пакета. Подавая немецкий, коротко доложил, как он попал ему в руки.

Майор взял пакеты, вскрыл и при нем прочитал содержание.

— Отлично, — сказал он. — Очень важные сведения о численности и дислокации войск противника. Сейчас же перешлю это в корпус. Ну, а своим?.. Здесь у нас уже спокойно. Вышлем шесть самоходок с полсотней автоматчиков. И пару машин, чтобы забрать из эшелона продовольствие.

Он взглянул на Головина и покачал головой.

— Вывозился в грязи основательно... Устал? Ну, иди, отдыхай. Разрешаю до завтрашнего вечера.

Головин повернулся кругом и вышел.

На другой день в Андроново возвратились все самоходные установки. Автоматчики приехали мокрые, грязные, с воспаленными от бессонницы глазами, но возбужденные, веселые.

Многие части корпуса вышли ночью к железной дороге. Утром был бой. Немцы откатились назад, на

восток к Днепру и начали отступление по правому берегу на юг, к Черному морю. Предстояло, действуя в тылу, отрезать врагу путь на запад.

VII

В два часа ночи они были снова на броне самоходной установки. Был дан приказ оставить в Андронове весь автотранспорт: весенняя распутица, бездорожье затрудняли его движение.

Погрузили на самоходку запасы горючего, снарядов и тронулись в путь.

И путь их был длинен и долог. Шли по дорогам и тропам, полям и балкам, пересекая железные дороги и форсируя реки; потеряв счет суткам, шли в кромешной тьме ночи и при ярком солнце дня, под проливным дождем и при ясной весенней погоде; шли на запад и поворачивали на север; вели бои самостоятельно и поддерживали другие части; шли там, и в то время и действуя так, как требовал того суровый воинский приказ. Они ушли от своих исходных позиций километров на двести.

... В первой половине марта поздно ночью они подошли к предместьям большого города правобережной Украины. Самоходные артиллерийские установки развернулись в боевом порядке и остановились, заглушив моторы.

Ночь была тиха и тепла. Автоматчики вырыли впереди установки полевые окопы и залегли. Через пять минут все уже спали, только часовой расхаживал вдоль окопов.

Впереди за серыми полями на светлосинем горизонте смутно виднелись темные строения города, мелькали слабые огоньки, слышался шум поезда; скользя по звездному безлунному небу, прожектора изредка пересекали тьму ночи. Незнакомый город, где скоро загремит грохот битвы, волновал своей таинственной близостью.

По всему полю передвигались люди и машины, заглушенно фыркали танки, слышался топот ног, лязгало железо.

Головин подошел к установке. Заряжающий Махонин сидел на пушке.

— Лейтенант не пришел? — спросил Головин.

— Нет еще, все у батьки. А ты что не спишь? Давай, покурим!

Головин влез на броню и устроился рядом с Махоным на пушке.

— Влетит тебе от командира, — сказал Головин. — На посту курить!..

— Одну минутку посижу. Зубы, — схватился он за щеку. — Ох, как болят! Третий день. Только табаком и спасаюсь. Заверну потолок, да и тяну, прямо на дупло. Отойдет на минутку и снова. Всю голову разломило. Напиться бы как следует, помогло бы. Только завтра непременно бой будет, а я пьяный! Не могу.

— Ишь ты, сознательный!

Это сказал лейтенант Нецветаев. Он стоял неподалеку и слышал последние слова заряжающего. Лейтенант вспрыгнул наверх и подошел к ним.

— Сойди вниз и ходи вокруг самоходки! Сторож! Немец подойдет, — не услышишь. Через час разбудишь Рогозина!

Кряхтя и охая, заряжающий слез с установки.

— Зубы... Ох, зубы, до чего сильно ноют...

— Зубы? Двадцать дней в боях, тут тебе не только зубы заноют, — усмехнулся лейтенант. — Зубы! Причину для выпивки ищешь! Ох, и плут! Есть такие вояки, — как в бой, так чтоб память отшибло. Воевать трезвому надо. Не так ли, Головин? — спросил он.

Головин смотрел на безусое молодое лицо лейтенанта и думал: откуда у него силы, выдержка, умение берутся?... Кажется, и жизни не видал, молод, и не ахти какого богатырского сложения; двадцать дней с боями вел установку и попрежнему спокоен, деловит, настойчив, подтянут.

— Так вот задача, — сказал лейтенант. — Подъем — чуть свет. Выступление — красная ракета. В восемь ноль-ноль нашей установке быть у моста за главной площадью города. Я веду установку, подавляю огневые точки, вы охраняете нас от ближнего врага. Сами знаете, без десантников в одну секунду установка может взлететь на воздух. Нужно быть уверенным, что

нас не подорвут. Вот ваша задача. Так и проинструктируйте ваших автоматчиков. Поддерживать будем атаку пехоты. Пойдем сначала прямо, направление на элеватор, мимо него правее, выходим на шоссе, направо в третью улицу, до конца, снова направо до главной и налево по главной до моста... Вот и все. В восемь ноль-ноль там быть, — повторил он. — Все понятно?..

— Все, товарищ гвардии лейтенант, — ответил Головин.

— Давайте отдыхать. Мы имеем три часа в своем распоряжении, не больше.

Они разложили на броне одеяла и тепло укрылись шинелями. Укладываясь на место, лейтенант неожиданно сказал:

— Какую замечательную историю рассказал нам сейчас на совещании батяка, хотите послушать?

— С удовольствием, — ответил Головин. — Батяка плохого не скажет.

— Так вот, — начал лейтенант. — В одном из сражений с персами Александр Македонский потерпел поражение. Хорошие конники, персы окружили греческую пехоту и порубали ее. Александр намечал большой поход против Персии. Первая неудача расстроила все его планы. Что делать? Как поднять дух войска? На следующий день он выстроил свою армию и приказал привести пленных персов. Персов привели и поставили против греческих солдат. «Раздеть врагов!» — приказал Александр. А надо сказать, что персы носили длинные одежды, укрываясь от горячего южного солнца, в то время как в Греции были короткие, открытые одежды, и здоровыми считались загорелые, обветренные люди. Персов раздели и солдаты увидели белые, вялые тела. — «Таких ли не победим!» — сказал Александр, указывая на раздетых пленников. И все в один голос закричали: — «Победим! Смерть врагам!». И верно, в следующем сражении греки наголову разбили персов. Понимаете, Головин! Раздеть врага! Увидеть его голым! Знать его стратегию, тактику, его политико-моральный облик...

Их разбудил наводчик Рогозин. Ночь уже смешалась с рассветом. Автоматчики пришли из окопов и застучали на броне, укладывая вещи, занимая места.

Начал работать мотор. По установке от сетки над моторным отделением потянулась струя горячего воздуха. По всему необъятному полю стояли сотни боевых машин. Цепи людей шли между машинами. Бледная полоса на востоке все розовела, и перед ними встали очертания города.

— Впе-ре-ед!.. — прокатилось над полем. Красные ракеты взвились над ними.

Самоходка круто взяла с места и понеслась, держа направление на элеватор. Соседние установки также пошли вперед, каждая по своему маршруту. С боков двинулись танки и бронетранспортеры. Впереди бежали люди, они рывками припадали к земле, вскакивали и снова бежали. Сизые дымки разрывов коротко вспыхивали и потухали, расстилаясь по земле. Где-то яростно застрекотал пулемет; артиллерийские залпы прозвучали в ответ, заглушив его отрывистую дробь.

Все поле уже было занято пехотой, продвигавшейся к городу. И когда люди, не видя сопротивления, поднялись во весь рост и побежали к высоким посадкам, окружающим шоссе, вдруг четко забили минометы.

Автоматчики спрыгнули с установки и, хоронясь за правым бортом, бежали по вязкому полю. Мины рвались, и на каждый разрыв стоном отзывалось поле. Установка остановилась; командир сказал наводчику:

— Нашел! Вижу ясно! Черный бугор левее высокого дерева.

— Огонь!..

Установка дала три выстрела; после зловещих разрывов мин стало необыкновенно тихо. Так тихо, что можно было слышать вздохи солдат, подымавшихся с земли. Автоматчики прыгнули на броню, установка пошла прямо на минометную батарею.

После трех снарядов, метко пущенных Рогозиным, на батарее лежали продырявленные осколками минометы, как старые, никому не нужные самоварные трубы; валялись убитые немецкие солдаты. Когда самоходка, разрезав посадку и нырнув в канаву, выбралась на шоссе, они увидели убежавших немцев. Григорьев не вытерпел и дал по ним очередь.

— Не отвлекайся! — зло крикнул Головин. — Смотри по ходу!

Установка мягко шла по каменному шоссе к первым городским строениям. Справа на повороте под широким голым кустом Головин заметил свежую насыпь окопа.

— Отделение! Справа. На повороте. Широкий куст. По насыпи... Огонь!..

И было во-время, установка уже подходила к повороту. Они не дали немцам высунуться из окопа. Когда машина была в десяти метрах от поворота, из окопа поднялась рука и, подбитая, опустилась, не успев выбросить гранату. Они пристрелили двух немцев, прижавшихся к стенкам окопа.

Дзот, возвышавшийся на перекрестке улиц, преградил им путь. Пушка и два пулемета забили из дзота. пламя лизало амбразуры, снаряды начали рваться вблизи. Установка нырнула с шоссе в канаву и укрылась за каменным двухэтажным домом. Голова лейтенанта показалась из люка.

— Как бы удобнее подойти?—озабоченно сказал он, осматриваясь кругом.—Расстреляют...

Он вылез наверх и решительно бросил Головину:

— А ну, пойдём!

Они пошли садом. Миновали садовые кусты, проползли между огородными грядками и забрались в бурьян. Сквозь поросль бурьяна были видны задворки домов, в узких проулках серые сараи с соломенными бурными крышами. Лейтенант что-то высмотрел, запомнил и, довольный, повернулся к Головину.

— Пошли домой,—сказал он. В его словах не было ничего странного. Свой полк, свою машину, расположение людей они называли своим домом.

По тому же пути возвратились к установке. Из-за посадок на шоссе тем временем вышла пехота. Пушка и пулеметы из дзота усилили стрельбу. К установке прибежал связной от командира стрелковой роты.

— Товарищ лейтенант, капитан приказал подавить дзот!—доложил он.

— Передай, через десять минут дзота не будет,—ответил лейтенант Невцветаев.

Связной побежал через дорогу, низко пригибаясь к земле. Он упал на середине дороги, пополз в канаву и скрылся за посадкой.

Лейтенант опустился в люк, и установка пошла садами к бурьяну, туда, где они только что были. Минував бурьян, машина подошла к открытому сараю; побуревшая крыша держалась на толстых, серых от времени столбах. Сарай завален был соломой и разной хозяйственной утварью. Лейтенант выглянул из люка.

— Сойдите!

Автоматчики прыгнули с брони. Установка тяжело вползла в солому между столбами; один из столбов треснул, качнулся и полетел в сторону, крыша рухнула.

Через минуту из-под крыши раздался выстрелы. Откуда-то с кудахтаньем вылетели куры. Дзот находится в двухстах метрах. Один снаряд попал в боковую амбразуру, дым окутал весь перекресток дорог. Из дзота больше не стреляли.

На улице показались два своих танка, стрелявшие с хода. Промчался бронетранспортер. Вслед за ними бежали вдоль улицы стрелки.

Под крышей сарая заработал мотор, установка, разбрасывая вокруг себя солому и доски, выползла на улицу. Соломенную крышу автоматчики раскидали по сторонам.

Лейтенант снова показался в люке. Глаза его блестящие,—усталое исхудавшее лицо осветила застенчивая юношеская улыбка. Он неловко пожал плечами и поежился, точно от холода.

— А могли бы и нас! Об этом дзотике вчера еще говорил батька.

Солнце поднялось над городом, ярко заблестела желтая железная крыша соседнего дома. Лейтенант взглянул на часы.

— Семь. В самый раз пробраться в центр. Держись, ребята! Жарко будет!

Впереди гремели выстрелы. Трещало, рушилось, горело, дым застилал всю улицу. Установка на полном ходу проскочила сквозь дым и грохот, повернула направо и оставила за собой шум боя.

Они мчались по спокойной, узкой улице из низеньких домиков с белыми рамами и серыми калитками. За вторым поворотом появилась такая же пустынная улица; повернув за угол, они очутились на широкой площади. Она и примыкающие к ней улицы были запружены ма-

шинами и повозками. Машины обгоняли одна другую, сцеплялись, тяжелые грузовики оттесняли маленькие легкие автомобильчики, отскакивавшие на тротуар к каменным стенам. Звенели стекла витрин, падали телеграфные столбы, в проволоке путались и ржали кони.

Установка открыла по всему этому скопищу ураганный огонь осколочными снарядами. Автоматчики меняли диск за диском, выпуская пули из раскалившихся стволов. Затем сорокатонное чудовище, давя на своем пути машины, повозки, лошадей, разбрасывая вокруг себя обломки дерева и железа, проложило себе путь и врезалось в такую же забитую машинами, как и площадь, главную улицу города. С коротких остановок самоходка методически поливала огнем вдоль скопления вражеские автомашины. Немцы в панике бежали к мосту.

У моста самоходка остановилась, дав несколько выстрелов по убегающему противнику. На крутом берегу Головин увидел зигзаги глубоких траншей. Он скомандовал автоматчикам занять их.

Они были одни. Из окон домов еще строчили пулеметы. Горели здания и машины. Около моста могло развернуться жестокое сражение. Экипаж установки был за крепкой броней, автоматчиков могла спасти только земля. Они сгрудились в траншее и выглядывали из нее, выставив кругом дула автоматов. Враг мог быть в угловом четырехэтажном здании с поблескивавшими на солнце стеклами, в подвалах магазинов с широкими витринами, на колокольне церкви, что слева возвышалась над домами. В эти минуты они не видели красивого большого города на берегу широкой голубой реки, залитого горячими лучами весеннего южного солнца. Они подозрительно вглядывались во все щели, дыры, разбитые рамы, двери, складки берега с треснувшей сухой землей, бугры, канавы...

Из-за угла вышел солдат их полка. Он подбежал к установке и застучал по броне прикладом.

— Лейтенант!— кричал он.— Командир полка приказал привести установку на бульвар! Налево первая улица!

На бульваре, тянувшемся по берегу реки, уже стояли установки, прибывшие по другим артериям города.

Закопченный пороховым дымом,—блестели только глаза,—первым из люка показался заряжающий Махонин.

— Похоже, город-то взяли?—сказал он, протирая глаза грязными руками.

— Как твои зубы? Не болят?—насмешливо спросил Григорьев.

— Зубы у него ученые, заболят к вечеру,—ответил за него наводчик Рогозин, вылезая из люка вслед за Махониным.—Если здесь застрянем, зубы лечения потребуют.

— Что ж, ради такого дела... Неужели не вспрыснем?—подмигнул Махонин.

— Вспрыснем?—сказал лейтенант, тоже вылезая наверх.—Как бы через час снова не отправиться вперед!

VIII

К полудню стало известно: Красной Армией были заняты переправы на реке Южном Буге; нижнеднепровская группировка противника была окончательно окружена и разбита; освобождены Херсон и Николаев, войска двинулись на Одессу.

Мост через реку, разбитый снарядами, наскоро восстанавливался, полк расположился по берегу реки. Подошли и тылы полка.

Федоров снова принес в отделение полные мешки с провизией, кладовщик рассчитывался с солдатами за дни боев.

— Баушка не прозевает,—добродушно сказал Григорьев, удобнее усаживаясь на сухую землю.

— Опять свое,—ворчливо отозвался Федоров,—смотри, не дам!—Он осторожно взболтнул содержимое пузатой фляги.

Приготовив все, что нужно, Федоров отечески стал угощать своих товарищей, с честью закончивших тяжелый рейс по тылам врага.

Но угощение прервал почтальон, таскавший с собой целый мешок писем. Все бросились к нему, долго рылись в куче конвертов и треугольничков; почти всем было по десятку писем. Несколько писем было на имя Кравцова,

Головин вертел их в руках, рассматривая со всех сторон, и на лице его собирались глубокие морщины.

— Погиб человек... Мало приспособленный для войны. Ему бы полковую школу пройти, туда-сюда...

Все жадно вскрывали конверты, принимались за чтение вестей из дома.

В одном из писем Григорьева оказалась фотография молодой девушки с веселыми светлыми глазами. Он долго смотрел на нее и смеялся довольный, счастливый, затем фотография пошла по рукам автоматчиков, и все оживленно рассматривали лицо девушки, ее прическу, платье.

— Отхватил, молодец! О, брат, после войны с такой заживешь. Сильна девка!—сыпались веселые замечания.—Ждет?

— Ждет!—вскидывал от письма озорные глаза Григорьев и продолжал читать.

— Что это вам редко пишут?—спросил Головин Тихомиров.—И сегодня нет.

— У меня жена не охотница писать,—да и я не мастер,—ответил Головин.—Она знает, как я живу... Да и я знаю, как она без меня мается.

— Я так вот люблю писать,—блаженно улыбаясь, сказал Федоров.—А письмо даже люблю, когда мне прочитают... Вот уж тогда как бы наговорюсь с семьей. Прочитай, ребята кто-нибудь, я послушаю.

— Давай я!—предложил Тихомиров.

Федоров подал письмо, закурил и сел напротив, приготовясь слушать. Тихомиров стал медленно читать, с трудом разбирая детские каракули.

— Верка писала, еще в школу не ходит, должно от ребят научилась,—пояснил Федоров.—А жена диктовала. Я уж вижу, как они там за столом сидели и писали.

— «Здравствуйте, дорогой наш муж и отец Николай Филаретович,—читал Тихомиров.—Кланяется вам жена ваша Любовь Петровна».

Вот, вот, это жена моя! — сияя, говорил Федоров.

— «И еще кланяется дочка ваша Клавдия Николаевна с деточками Соней и Петей. Муж ее, ваш зять Василий Иванович, жив и здоров и вам кланяется.

— Зять на фронте, хороший мужик... Орден уж имеет.

— «Кланяется вам ваш сын Сергей Николаевич и

желает вам в делах ваших счастливого успеха. Он жив и здоров, находится в боях...».

— Сын мой, лейтенант. Десятилетку окончил,—радостно говорил Федоров, с умилением смотря на Тихомирова.

— «Кланяется вам дочь ваша Ирина Николаевна, еще кланяется дочь ваша Катерина Николаевна...».

Перечисления поклонов и имен следовали на двух страницах. Григорьев, прочитав свои письма, с улыбкой слушал.

— «Еще кланяется дочь ваша Капитолина Николаевна»,—читал Тихомиров.

— У тебя все дети большие, что ли? Капитолина-то Николаевна?—остановил Григорьев.

— Какке-то?... Третий годик. Без меня родилась через полгода.

— Да что это ее как величают-то?—с недоумением спросил Григорьев.

— Эх, ты,—покачал головой Федоров.—Нет у тебя уважения к людям... Она же человек. Пока маленькая, а ведь вырастет.

— Ну, и письмо!...Кланяется, кланяется,—засмеялся Григорьев.—Ни о чем и не написано.

— В твоём, поди, много написано, про любовь да про разные глупости,—сердито сказал Федоров и взял письмо от Тихомирова.—Потом прочитаешь мне, ну его, насмешника.

И стал неторопливо нарезать хлеб, вскрывать консервы, раскладывая закуску на плащ-палатке. К ним, громко крича, бежал Микешин, размахивая правой рукой, левая была на перевязи.

— Ребята, здорово! Ну... Ведь убежал-таки из медсанбата... Сейчас только с ремонтниками приехал. Обезжал весь полк, ищу вас. Ну... Ой, как я рад-то опять снова вместе!—восторженно говорил он и жал руки автоматчикам. Все ли здоровы? Пудина, говорят, убили?... Эх, парень-то был!

— Дурачком погиб,—отозвался Головин, косвенно считавший себя повинным в смерти товарища.—«Не углядел,—думал он про себя.—Ну, уж в следующий раз покажу я им, как в атаку ходить»,—сердито взглянул он на свое отделение.

Сытые, усталые, сонные, они лежали под кустом на берегу реки, нежась под лучами горячего солнца. А войска все шли и шли, переправляясь за реку. Они уходили по широкой, как море, степной равнине, и скрывались из вида за мягкой зеленью озимей, бурыми полями не убранной кукурузы и серыми посадками. Жаркое солнце ранней весны полыхало и жгло, согревая землю, сверкая на белых стенах домов. От реки тянуло свежестью, от садов—ароматом треснувших пухлых почек.

— Идут и идут,—проговорил Микешин, напряженно всматриваясь в степь.—И все ради чего?.. Жизнь нашу мирную, хорошую оградить. Эх, жизнь была!..

— Стой!—привстав, вдруг сказал Головин. Он расправил плечи и, туго ворочая шеей, оглядел автоматчиков.—Ты, говоришь, жизнь была?.. В Лысой Балке ночью ты мне говорил об этом. А какая она жизнь, ничего и не сказал. Ну, земли много. Ну, жили богато. Разве это еще жизнь?..

— А в чем же?—недоумевая спросил Микешин.

— В чем?.. Разве скажешь одним словом?—ответил Головин.—Ну, примером... Вот я был грузовым извозчиком в Вологде, и конь у меня был Витязь, ох, конь, а сбруя—вся в бляхах, блестит. И была жена и четверо детей. Недалеко от нашей квартиры была школа. Одна дочка уже стала учиться. И вот, заметь, Микешин, придешь на родительское собрание, учительница все говорила: всегда, говорит, родители лучших учеников первыми придут. И это мне нравилось, что дочка малограмотного гужеда учится отлично и может стать большим ученым человеком... Вот в чем суть жизни,—убежденно подчеркнул Головин, и в глазах его блеснули беспощадно-гневные огоньки.—Голову всем нам светлую, понятливую сделали. А ты твердишь, богато жили... Враг тоже не бедный, но хищник, бить надо...

Кругом зашумели. Перебивая друг друга, не слушая, даже бранясь, каждый хотел доказать, в чем суть жизни, на что покусился враг, за что они, не жалея сил, шли и шли, выполняя боевые приказы, и будут жестоко бить всяких хищников, нарушающих их трудовую жизнь.

В это время от установки протяжно прокричали:

— По местам!

Солдаты спешно забрали с земли вещи, оружие и побежали к машинам.